

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА, АЛЕКСАНДР САФОНОВ

Реформа законодательства о вероисповеданиях, или Было ли достижимо религиозное разнообразие в позднеимперской России: взгляд светского публициста Сергея Мельгунова

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-2-162-188>

Anastasiya Tumanova, Alexander Safonov

**Reform of Legislation on Religions in Late Imperial Russia:
Was Religious Diversity Achieved? The Views of Secular Pub-
licist Sergei Melgunov**

Anastasiya Tumanova — HSE University (Moscow, Russia).
atumanova@hse.ru

Alexander Safonov — HSE University (Moscow, Russia). asafonov@hse.ru

The authors focus on the views of a secular publicist, Sergey Melgunov, on the reform of the management of religious confessions carried out in early twentieth-century Russia. The reform marked a significant revision of traditional religious policy, moving away from the system of coercion in matters of faith and introducing the freedom of religion. Sergey Melgunov, an influential Moscow publicist of the liberal wing, played a prominent role in public intellectual discussions of the time. His position formed the mainstream in the public discourse about state-church relations, yet it did not become so far the object of an independent study. During the period of the deep transformation of the imperial civil order and the transition to a new system that allowed religious diversity, Melgunov defended the ideas of freedom of conscience and the separation of Church from State. Melgunov's views are compared with approaches of other intellectuals and experts — lawyers S.A. Kotlyarevsky, M.A. Reisner, V.D. Nabokov, A.F. Koni etc. The article is based on a wide range of sources, including Melgunov's published works, as well

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

as his memoirs and documents from his collection at the Department of Manuscripts of the Russian State Library (Moscow).

Keywords: religious diversity, reform of the management of confessions, S. P. Melgunov, history of political and legal thought of Russia, Late Imperial Russia.

Регулирование конфессий как фактор управления империей

УПРАВЛЕНИЕ конфессиями занимало одно из ключевых мест в государственной политике Российской империи. Имперское правительство регулировало многие стороны жизни своих подданных, исходя из их конфессиональной принадлежности. Государственно-церковные отношения строились на принципе веротерпимости, предполагавшем неравный правовой статус различных вер и религий, ограничение свободы их внутреннего управления и широкие полномочия имперской администрации в регулировании религиозной жизни¹. В рамках выстроенной в империи иерархии вероисповеданий определялся объем религиозных прав каждого из них, и он существенно разнился. Поддерживалось превосходство православия над так называемыми «инославными христианскими исповеданиями» (протестантизм, католицизм и др.), христианства над «иноверием» (мусульманство, иудаизм и др.) и веры над безверием.

Базировавшаяся на иерархии конфессий религиозная политика являлась важной составной частью имперского управления. Конфессиональное управление исходило из задач обеспечения первенства Русской православной церкви, выражавшегося в особом покровительстве ей российских законов, предоставлении преимущественного права на публичное осуществление и пропаганду православного вероучения, а также в недопущении перехода из православия в иные исповедания².

1. Веротерпимость в Российской империи до 1905 г. понималась в узком смысле слова — как иерархически выстроенная легитимация религиозных различий между этническими группами и терпимость по отношению только к иностранным исповеданиям. См.: Бендин А. Феномен российской веротерпимости // Российская история. 2013. № 5. С. 144.
2. О принципах российской конфессиональной политики до реформы 1905 г. подробнее см.: Сафонов А. А. Государство и конфессии в поздней имперской России: правовые аспекты взаимоотношений. М., 2017. С. 34–96.

Противоречивость вероисповедной политики — характерная черта российского «длинного XIX века». Применительно к первой четверти XIX в. политика веротерпимости отражала двойственность правительственного курса, направленного на создание духовно и идейно единого полиэтнического имперского государства, стремившегося к интеграции присоединенных народов, однако терпевшего неудачи на этом пути³. Конфессиональная политика Российской империи оставалась разноречивой и в конце XIX в. Несмотря на постоянные поиски путей «административной интеграции» присоединенных к империи регионов, сохранялась, по выражению Грегори Фриза, фундаментальная «инаковость» и значительная автономия новых территорий⁴.

Между тем на рубеже XIX–XX вв. в конфессиональном ландшафте Российской империи стали наблюдаться перемены. Увеличилась доля православного населения, готового к переходу в иные религии и вероучения. Росло число переходов православных подданных в конфессии, к которым принадлежали их предки. Так, 50 тыс. крещеных татар в Поволжье желало перейти из православия в ислам, наибольшее число переходов после 1905 г. приходилось на обращение из православия в католицизм⁵.

Это убеждало правящие элиты в том, что характерный для традиционного конфессионального порядка запрет на переход из православия нуждается в корректировке. В «Манифесте о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 26 февраля 1903 г. император высказался за расширение религиозной свободы. Речь шла о необходимости улучшить религиозный быт неправославных подданных империи, в частности представителей «инославных» и «иноверных» конфессий, а также старообрядцев. В бюрократических сферах обсуждалась либерализация развода⁶.

3. Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 3.
4. Фриз Г. Религиозная политика Российской империи в Прибалтике // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 800.
5. Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 49, 52.
6. Waldron, P. (1989) "Religious Toleration in Late Imperial Russia", in O. Crisp, L. Edmondson (eds) *Civil Rights in Imperial Russia*, pp. 103–120. Oxford.; Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сборник статей / пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Рогозного. СПб., 2019. С. 188–189.

Признаком готовящейся реформы вероисповеданий стала отставка 19 октября 1905 г. с должности обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева. Сменивший его на этом посту кн. А. Д. Оболенский выступил в марте 1906 г. с предложением о понижении статуса должности обер-прокурора и выведении его из Совета министров, что способствовало бы укреплению самостоятельности Православной церкви путем ослабления ее зависимости от светской власти⁷.

Реформаторские настроения охватили и отдельных церковных иерархов. Так митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) высказался весной 1905 г. за увеличение независимости Православной церкви от государства, созыв Поместного собора и восстановление патриаршества.

В сознании образованного общества укоренялась идея свободы личности и производная от нее ценность религиозной свободы. Все эти факторы побуждали к реформированию законодательства, регулировавшего конфессиональные отношения. Традиционные параметры религиозной политики, сводившиеся к установленной на государственном уровне системе принуждения в делах веры и существенных ограничениях в правах в зависимости от вероисповедной принадлежности, стали признаваться архаическими.

Начало XX столетия проходило под знаком коренного реформирования государственно-конфессиональных отношений. Ключевыми вехами реформы стали указы: 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», а также 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин». Указ 17 апреля 1905 г. провозгласил веротерпимость и установил ограниченную свободу вероисповедания⁸. Манифест 17 октября 1905 г. даровал свободу совести⁹. Хотя это было правовое обещание, нуждавшееся в законодательном закреплении, оно создавало новую реальность. Указ 17 октября 1906 г. уравнивал старообрядцев и вышедших из лона Российской православной церкви сектантов, исключая последователей «изуверных» сект, в правах с инославными, предоставил им

7. Фирсов С. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб.: Сатис Держава, 2007. С. 125–126.

8. ПСЗ-III. Т. 25. № 26125.

9. ПСЗ-III. Т. 25. № 26803.

право открыто исповедовать свою религию и объединяться в религиозные общества¹⁰.

Вместе с тем закладывавшийся новый конфессиональный порядок не был прочным. Как справедливо указывают В. К. Пинкевич и С. В. Золотых, правительство дало определенные послабления, сохранив при этом прежнюю структуру и иерархию конфессий¹¹, что делало конфессиональную ситуацию неопределенной.

С. П. Мельгунов — московский публицист и участник полемики по религиозным вопросам

Конфессиональная реформа начала XX в. заняла заметное место в публичной сфере: она оказалась в центре внимания интеллектуальной элиты империи, получила выражение в общественных дискуссиях¹². Ключевой вопрос заключался в том, создавала ли эта реформа перспективы для установления в России религиозного разнообразия?

Экспертом в данном вопросе являлся Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956) — выпускник историко-филологического факультета Московского университета, ученик В. О. Ключевского и В. И. Герье. В сферу его интересов входили отношения государства и церкви, а именно состояние российской религиозной политики и законодательства, положение старообрядцев и сектантов. Мельгунов — известный специалист по религиозным движениям XVII–XIX вв., автор двух крупных книг по этому вопросу, а также исследователь общественного движения, автор работ о русском обществе времени Александра I и об Отечественной войне 1812 г., о декабристах и об обществе периода крестьянской реформы 1861 г.

10. ПСЗ-III. Т. 26. № 28424

11. Пинкевич В. К., Золотых С. В. Вероисповедные реформы П. А. Столыпина в контексте преобразований в Российской империи начала XX века // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2019. № 1. С. 21.

12. Наиболее изучена деятельность Религиозно-философских собраний в Петербурге в 1901–1903 гг., ставших местом встречи интеллигентов-богоискателей и деятелей Православной церкви. Их участники вели диалог по различным вопросам положения религий в империи и по поводу свободы совести. См. подробнее: *Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.)* / Общ. ред. С. М. Половинкина. М.: Республика, 2005.

Сам Мельгунов аттестовал себя как «публициста и неофициального историка»¹³ — очевидно в силу того, что еще на студенческой скамье избрал карьеру газетного работника и значительную часть жизни посвятил прогрессивной газете «Русские ведомости». Для этой газеты Мельгунов подготовил свыше 250 публикаций, причем посвящены они были по большей части религиозным вопросам. Многие из них вошли в отдельные сборники под заглавием «Церковь и государство в России» (М., 1906) и «Церковь и государство в переходное время» (М., 1909). Работа «Церковь в новой России» была издана в основанном им издательстве «Задруга» в 1917 г. В общей сложности Мельгунову принадлежало более семисот газетных и журнальных статей, монографий и коллективных изданий¹⁴.

В своей автобиографии Мельгунов свидетельствовал: «Начал работать в “Русских ведомостях”... в 1900 году, будучи на первом курсе университета... Статьи писал по вопросам церковно-общественным, в частности по истории русского сектантства и старообрядчества»¹⁵. «Русские ведомости», вспоминал Мельгунов, «занимали ... исключительно авторитетное положение» и такое же «... почетное положение» приобрели в московском обществе их сотрудники¹⁶. С «Русскими ведомостями» в ту пору сотрудничали ученые историки Н. И. Кареев, В. И. Герье и А. А. Кизеветтер, правоведы С. А. Муромцев, Ф. Ф. Кокошкин и В. Ф. Дерюжинский, экономисты А. С. Посников, А. А. Мануилов, А. И. Чупров и Н. М. Иорданский, естествоиспытатели И. И. Мечников, К. А. Тимирязев, В. И. Вернадский и др. К 1913 г. число сотрудников газеты насчитывало порядка 2 тыс. человек, а подписчиков — более 20 тыс. По словам ее редактора В. Розенберга, умение газеты стоять на внеклассовой точке зрения и честно обращаться с печатным словом снискало ей авторитет не только в передовом обществе, но и в консервативных кругах, делало ее «воспитателем русской общественной мысли»¹⁷. «Кафе-

13. Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники / Сост. Ю. Н. Емельянова. М.: Индрик, 2003. С. 103.

14. Подсчеты сделаны Ю. Н. Емельяновым: Емельянов Ю. Н. С. Н. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998. С. 9, 48.

15. Мельгунов Сергей Петрович. Автобиография // Русские ведомости. 1863–1913. Сборник статей. Москва: Типография Русских ведомостей, 1913. С. 114.

16. Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. С. 119, 140, 142, 144.

17. Розенберг В. Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости» (1863–1918 гг.). Прага: Изд-во Пламя, 1924. С. 24, 257.

дрой политической мысли и гражданственности» признавали газету и ее читатели.

В 1905–1906 гг., когда русской печати было дозволено заговорить более свободным языком, редакция «Русских ведомостей» изложила свою политическую программу. Она заявила о необходимости установления свобод совести, печати, собраний и союзов, введения народного представительства на началах всеобщего избирательного права, активно участвующего в законодательстве и в контроле над администрацией¹⁸. Программа «Русских ведомостей» в национальном вопросе предполагала признание прав национальностей на культурное самоопределение. В то же время должного внимания положению окраин газета не уделяла, имея в виду преимущественно интересы коренного русского населения¹⁹.

Мельгунов видел свою миссию в том, чтобы сформулировать для органа печати, стремившегося отстаивать терпимость по отношению к разным вероисповеданиям и национальностям, конфессиональную повестку дня. «Мне самому, — вспоминал Мельгунов, — как бы пришлось установить точку зрения, которая фактически и сделалась точкой зрения газеты. Редакция выбрасывала у меня только чрезмерно радикальное, как, например, упоминание об отделении церкви от государства. Но трактовка вопросов шла именно в духе такого понимания». По признанию Мельгунова, он «всегда проводил светскую точку зрения», в его статьях «не было ничего ни церковного, ни от неославянофильства». Отстаиваемая им идеология «полной свободы совести и церковной самостоятельности» задавала тон как в «Русских ведомостях», так и в определенных общественных кругах²⁰.

Помимо «Русских ведомостей» Мельгунов печатался в таких изданиях, как «Русское богатство», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Вестник воспитания», а с 1913 г. состоял одним из редакторов исторического журнала «Голос минувшего». Журнал пользовался репутацией среди интеллектуалов; в числе его авторов значились историки А.А. Кизеветтер и Е.В. Тарле, писатель

18. Русские ведомости. 1906. № 1.

19. Розенберг В. Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости» (1863–1918 гг.). С. 84.

20. Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. С. 137.

В.Г. Короленко, а также судебный деятель А.Ф. Кони²¹. Мельгунов организовал также ряд издательств: в 1905–1906 гг. — «Библиотеку Свободной России», в 1911 г. — кооперативное издательство «Задруга», которое за 11 лет своего существования выпустило свыше 500 наименований книг общим тиражом более 10 млн экземпляров.

К тому же Мельгунов был активным участником общественного движения, в буквальном смысле начиная со студенчества²². Он участвовал в предшествовавшей конституционным реформам банкетной кампании 1904 г., в частности, в организованном 20 ноября в колонном зале Эрмитажа банкете по поводу сорокалетия судебных уставов. Весной 1905 г. Мельгунов выступил организатором Союза издателей, призвавшего осуществить свободу печати де-факто и отказаться посылать издания в цензурное ведомство²³. В 1906 г. он вступил в Партию народной свободы и примкнул к ее левому крылу, активно включился в выборную кампанию кадетов во II Государственную думу и построил свою предвыборную агитацию на потребности обеспечения свободы совести. В городах Богородске и Бронницах Мельгунов прочел две публичные лекции, признав русских религиозных «диссидентов» старообрядцев и сектантов потенциальными союзниками кадетов в политической борьбе. Администрация и духовенство препятствовали их проведению. Спустя год Мельгунов перешел в Народно-социалистическую партию²⁴. В канун Первой мировой войны свои общественно-политические взгляды публицист обозначил как примыкавшие «к народническим группам»²⁵. Как свидетельствовали современники, Мельгунов являлся в предреволюционной Москве «видной и широко известной фигурой, одним из выдающих-

21. Кони консультировался с Мельгуновым по поводу перспектив публикации в «Голосе минувшего» воспоминаний о М.Т. Лорис-Меликове, писем министра финансов Н.Х. Бунге, судебных деятелей Г.А. Джаншиева и П.Н. Обнинского. ОР РГБ. Ф. 454. Мельгунов С.П. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–21.

22. В 1902 г., еще будучи студентом Московского университета, он участвовал в студенческих беспорядках на почве протеста против Временных правил об отдаче студентов в солдаты и, по собственному выражению, «был всецело в лагере радикального студенчества при организации протеста». См.: Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. С. 103–104.

23. Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. С. 161, 163.

24. Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. С. 28–29.

25. Мельгунов Сергей Петрович. Автобиография. С. 114.

ся представителей умеренного левого направления русской общественности»²⁶.

Будучи публицистом, Мельгунов активно участвовал в работе просветительских обществ. Он явился идейным организатором известной своими научно-популярными изданиями Исторической комиссии при Учебном отделе московского Общества распространения технических знаний и долгое время состоял ее председателем, а также членом руководящего совета возникшей весной 1906 г. Лиги образования, выступившей с альтернативными правительственному проектам демократизации образования²⁷.

Итак, Сергей Мельгунов — заметная фигура для значительного сегмента российской общественности либеральной и отчасти умеренной социалистической ориентации. В его статьях и книгах получили отражение многие ключевые аспекты готовившейся в позднеимперский период реформы вероисповеданий. Позиция Мельгунова в вероисповедном вопросе представляет безусловный интерес для интеллектуальной истории, однако она практически не изучена²⁸. Характеризуя состояние конфессиональных идей этого периода, специалисты апеллируют, в первую очередь, к мнению правоведа Михаила Рейснера²⁹, либо ко Льву Тихомирову, статьи которого о церковном управлении читал император.

«Старая» и «новая» веротерпимость в оценке Мельгунова

За указом 17 апреля 1905 г., провозгласившим веротерпимость, Сергей Мельгунов признал крупное государственное и общественное значение. Он назвал его «указом об устранении стеснений в области религии»³⁰.

Указ 17 апреля легализовал переход из православия в другие христианские конфессии, а также в нехристианство (для лиц, являвшихся православными лишь формально), уравнивал в правах старообрядцев и сектантов и приблизил их по право-

26. Новый журнал (Нью-Йорк). 1957. Кн. XLVIII. С. 243.

27. Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. С. 103, 147.

28. Исключением является монография А.А. Сафонова, содержащая краткий анализ воззрений С.П. Мельгунова на вероисповедный вопрос: Сафонов А.А. Государство и конфессии... С. 104–106.

29. Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. С. 46.

30. Русские ведомости. 1905. 20 апреля. № 105.

вому статусу к инославным³¹. Он оказал позитивное влияние на религиозную ситуацию в империи, а его издание послужило сигналом для ухода из Российской православной церкви людей, идейно к ней не принадлежавших. Это были униаты Западного края, переходившие в католичество, жившие на западных окраинах латыши, отпадавшие в протестантизм, крещенные татары приволжских губерний, переходившие в мусульманство, и получавшие определенный объем религиозных и гражданских прав старообрядцы и сектанты. Важным последствием Указа стала либерализация уголовного законодательства, развившаяся в отмене уголовной репрессии за отпадение от христианства, включая православие³².

Разрешив многочисленным «упорствующим» переходить в неправославные исповедания, указ 17 апреля упростил управление конфессиональным разнообразием в поликонфессиональной империи. Между тем он не внес ощутимых перемен в вероисповедную структуру общества³³. Существенного роста числа вероисповедных переходов в краткосрочной перспективе 1905–1906 гг. не произошло³⁴.

Указ о веротерпимости побудил Мельгунова дать исторический экскурс в сложившуюся в Российской империи систему управления конфессиями. Он отметил, что веротерпимость составляла важный принцип государственной политики Российской империи начиная с XVIII в. Действительно, еще в Наказе Екатерины II Уложенной комиссии 1767 г., пропитанном идеями европейского Просвещения о рациональном управлении и социальной «полезности» клира, указывалось: «В столь великом Государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок — запрещение или недозволение их различных вер... Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковейные сердца... утушая споры их, противные тишине Государства и соедине-

31. ПСЗ-III. Т. 25. № 26125.

32. Сафонов А.А. Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. М., 2017. С. 206.

33. Пинкевич В.К., Золотых С.В. Вероисповедные реформы П.А. Столыпина в контексте преобразований в Российской империи начала XX века. С. 21.

34. Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. С. 49, 64.

нию граждан»³⁵. Обращаясь к Своду Основных государственных законов Российской империи, Мельгунов настаивал на правильном прочтении идеи веротерпимости. По его словам, она предполагала, что «свобода веры присвоается не только христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам»³⁶. Отсюда следовал вывод, что веротерпимость была признана на законодательном уровне, однако в реальной политико-правовой жизни она отсутствовала.

В доказательство Мельгунов приводил многочисленные факты стеснений и преследований подданных российского императора за религиозные убеждения. Преследовались сектанты, подвергались стеснениям католическая религия и духовенство в Царстве Польском и Западном крае, насильно обращались в православие латыши-лютеране в Прибалтийском крае и униаты в Западном крае. За «отпадение» от православия преследовались бессознательно крещенные татары и башкиры, подвергались ограничениям буряты-буддисты. Им не дозволялись религиозные собрания, их храмы и молельни запечатывались. Подобные меры оценивались Мельгуновым как прискорбные, как с точки зрения этических гуманистических представлений, так и истинного духа христианства³⁷.

Факторами, препятствовавшими реализации веротерпимости в «старой» России, Мельгунов признавал неполноту российского законодательства и размытость многих его норм. Признав веротерпимость, правительство, по выражению Мельгунова, «не считало возможным отделять дело веры, религиозного убеждения, от интересов политики, и подчиняло ложно понимаемому принципу государственной необходимости право свободы совести, долженствующее быть одним из краеугольных камней свободного общества и цивилизованного государства». Реализация веротерпимости казалась Мельгунову возможной тогда, когда «возвещенные начала» будут «проведены с надлежащей полнотой в законодательстве и по возможности расширены... ограждены от всякого ограничения и вмешательства со стороны администрации»³⁸.

35. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта Нового Уложения. 1767, 27 апреля. М., 2015. С. 61. Ст. 494–496.

36. Об этом шла речь в ст. 67 тома I Свода законов, в главе 7 «О вере»: Свод Основных государственных законов Российской империи 1906 г. 1906. Ст. 67.

37. Русские ведомости. 1905. 20 апреля. № 105.

38. Там же.

Суждение Мельгунова получает развитие в подходах современных российских историков. Как и Мельгунов, наделявший веротерпимость разными смыслами, историк-религиовед А. Ю. Бендин использует применительно к этому термину приставку «старая» и «новая», трактуя веротерпимость в узком и широком значениях. В узком смысле он понимает веротерпимость, осуществлявшуюся в России с XVIII в. до принятия указа 17 апреля 1905 г. Она была ограничена сферой «иностранных исповеданий» и не затрагивала общин старообрядцев и сектантов, в незначительной мере касалась конфессий неправославных этнических групп, которые российское законодательство наделило статусом «терпимых» исповеданий. 17 апреля 1905 г. обозначило этап, когда государство начало учитывать права дискриминируемых ранее религиозных обществ, а веротерпимость приобрела черты «особого института права и управления», обеспечивавшего регулирование государственно-конфессиональных, межконфессиональных и внутриконфессиональных отношений³⁹.

Религиозная свобода как свобода пропаганды неправославного вероучения

Неотъемлемым элементом свободы совести в правовой доктрине является принцип прозелитизма. В российском случае он предполагал возможность отпадения от православия и пропаганды неправославной веры. Современники уделили много внимания тому, как понимался данный принцип главными акторами вероисповедной реформы: правительственными чиновниками, Синодом, а также представителями законодательных учреждений.

Проблема прозелитизма была поднята в контексте подготовки Министерством внутренних дел под руководством П. А. Столыпина вероисповедных законопроектов. Составлявшиеся летом — осенью 1906 г., они были нацелены на обновление вероисповедного законодательства на основе принципа свободы вероисповеданий и явились вершиной правительственного реформаторства в религиозной сфере. Правительство Столыпина признало в августе 1906 г. реализацию свободы вероисповеданий вопросом первостепенного государственного значения. Вероисповедные проекты Столыпина были важной составной частью правительственного плана по формированию условий для создания политической

39. Бендин А. Феномен российской веротерпимости. С. 144–145.

нации. Они ввели понимание того, что равенство российских подданных перед законом было недостижимо без устранения неравенства между ними в вероисповедном отношении⁴⁰.

Вероисповедные проекты Министерства внутренних дел предусматривали осуществление многих принципиальных положений, составлявших правовой контекст религиозной свободы. В них выражалась готовность установить свободный переход из одного вероисповедания в другое, занимавшее в установленной государством иерархии конфессий равный или более высокий статус, допустить переход из христианской веры в нехристианскую (правда, без юридического признания), а также предоставить всем так называемым «терпимым» исповеданиям право пропаганды своего вероучения. Законопроекты были одобрены Советом министров и внесены в Государственную думу второго созыва⁴¹. Рассмотрению их помешал ее досрочный роспуск, а проекты были представлены Думе третьего созыва.

Мельгунов оценил вероисповедные законопроекты МВД достаточно критично. Он трактовал инициативы столыпинского министерства как не вполне удачную попытку «сочетать основы старого отечественного законодательства с пониманием свободы совести в науке и в западных законодательствах». Противоречия законопроектов объяснялись им двойственным подходом МВД к решению вероисповедного вопроса, продиктованным стремлением сочетать практику религиозной нетерпимости «доконституционного» периода с принципом свободы совести, легшим в основу новых законодательных актов⁴².

Мельгунов высказал несогласие, во-первых, с формой, в которую МВД облекло вероисповедную реформу, а именно с подготовкой семи различных вероисповедных законопроектов вместо одного общего. Он считал неверной позицию правительственной бюрократии, признавшей нецелесообразным составление единого законопроекта под предлогом различия правоотношений в сфере реализации свободы совести. Выработка общих положений в конфессиональном вопросе, по словам Мельгунова, была принципиальна важна для государства, дающего четкое законо-

40. Пинкевич В.К., Золотых С.В. Вероисповедные реформы П.А. Столыпина в контексте преобразований в Российской империи начала XX века. С. 21.

41. См.: Сафонов А.А. Государство и конфессии в поздней имперской России: правовые аспекты взаимоотношений. С. 295–322.

42. Законопроекты о свободе совести в оценке Синода // Русские ведомости. 1908. 11 января. № 9.

дательное определение своего отношения к различным вероисповедным группам. Пока государственная позиция не была точно определена, объем свободы совести зависел от направления правительственной политики⁴³.

Главный недостаток вероисповедных проектов МВД виделся Мельгунову в том, что они содержали слабые намеки на свободу пропаганды. Они лишь формально исключили из категории религиозных преступлений термин «совращение» как не укладывавшийся в рамки логической аргументации. Речь шла о праве проповеди признанных в империи вероисповеданий при сохранении незыблемой ст. 90 Уголовного уложения, устанавливавшей ответственность за произнесение, распространение либо публичное чтение проповеди, речи или сочинения, возбуждавших к переходу православных в иное вероисповедание, расколоучение или секту. Сохранение этой нормы уголовного закона делало, по мнению Мельгунова, даже самую ограниченную свободу проповеди фикцией. Данный факт, а также то обстоятельство, что о безнаказанности совращения из православия в законопроекте МВД речи не шло, приводили Мельгунова к выводу, что преимущества первенствующей церкви защищались в нем безоговорочно⁴⁴.

Объектом острой критики Мельгунова явился подготовленный Министерством внутренних дел законопроект «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям». Он включал идеи покровительства государства признанным вероисповеданиям и вероучениям, открытого распространения последними своих учений в среде приверженцев иных верований, а также особых преимуществ Православной церкви как первенствующей и господствующей. Признавалось особенное культурно-историческое и бытовое значение Православной церкви в России, «дающее ей, и при существовании свободы совести, право на некоторые преимущества перед другими исповеданиями»⁴⁵. Мельгунов полагал, что отмена монопольного права Православной церкви на проповедь своего вероучения, а также запрет последователям других, признанных в России вероучений, как нехристианских, так и хри-

43. Правительственный законопроект о свободе совести // Мельгунов С. П. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). М., 1907. Вып. 2. С. 17–18.

44. Законопроекты о свободе совести в оценке Синода.

45. Законопроект «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям» от 20 февраля 1907 г. // Законопроекты по делам православной церкви, внесенные на рассмотрение Государственной думы 3-го созыва в 3-ю сессию и доклады по ним Комиссии по делам православной церкви. СПб., 1910. Л. 21–27.

стианских, «прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии лиц», следовало признать существенными шагами на пути решения вероисповедного вопроса.

Не укрылись от внимания Мельгунова также отдельные противоречия указанного проекта. В их числе — предложение предоставить право проповеди всем признанным в империи вероисповеданиям, но исключение возможности свободной пропаганды для инославных и иноверных конфессий. Противоречивым признавал Мельгунов также стремление законодателей оставить в силе ст. 90 Уголовного Уложения, устанавливавшую уголовную ответственность за соращение православных в иную веру. Подобный шаг признавался равнозначным отрицанию свободы проповеди⁴⁶.

Мельгунов также указывал на неоднозначную позицию МВД в отношении вероисповедных переходов, в особенности перехода из христианства в нехристианские религии. Интересы свободы совести требовали, по его мнению, предоставления подданным свободы религиозного самоопределения. Для этого было необходимо провозгласить равное положение различных вероисповеданий. Однако признание особого общественно-государственного значения Православной церкви этому противоречило. Правительство разрешало данное противоречие с помощью весьма казуистического, как представлялось Мельгунову, приема. Оно не признавало юридической силы за отпадениями из христианства, однако давало согласие на «молчаливый» уход из христианства, поскольку по отношению к отпавшему сохранялись в силе все невыгодные юридические последствия, связанные с заключением актов гражданского состояния и проч.⁴⁷

Противоречивым предметом канцелярского творчества виделся Мельгунову также законопроект, касавшийся отмены политических и гражданских ограничений в связи с принадлежностью к тому или иному вероисповеданию. К числу ограничений, связанных с вероисповедной принадлежностью и подлежащих отмене, причислялись нормы законов гражданских (Т. X Свода Законов), воспрепятствовавших усыновление христиан нехристианами и нехристиан христианами; Устава ученых учреждений и учебных заведений (Т. XI Свода Законов), согласно которым учитель-

46. Правительственный законопроект о свободе совести // Мельгунов С. П. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). М., 1907. Вып. 2. С. 12–13.

47. Круг противоречий // Мельгунов С. П. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). М., 1907. Вып. 2. С. 24–25.

ские семинарии давали образование только лицам православно-го исповедания, и др.⁴⁸

Мельгунов критиковал данный законопроект в первую очередь за то, что, провозглашая необходимость отмены ограничений в правах ввиду вероисповедного статуса, он сохранял значительную часть ограничений для отдельных религиозно-национальных групп, прежде всего евреев. Возрождение подобной точки зрения после издания указа 17 апреля и Манифеста 17 октября было, по его мнению, равносильно отказу правящих сфер от свободы совести⁴⁹.

Подобная критика видится справедливой, поскольку, как следовало из законопроекта МВД, к решению «еврейского вопроса» последнее не было готово. Свобода совести понималась в нем преимущественно в контексте «индивидуальных духовных интересов отдельного лица», тогда как в основе специального законодательства о евреях лежал не только вероисповедный признак, но и национальные особенности, выделявшие их в особую группу иноподанных. Совет министров согласился с позицией, что «еврейский вопрос» не относится к числу религиозных и обсуждать его нужно отдельно, ввиду чего об отмене политических ограничений для евреев речи не шло.

Критические отзывы Мельгунова на предложения Министерства внутренних дел были продиктованы тем, что он оценивал законодательное творчество власти, исходя из условий нового строя, который утверждался в России в 1905–1906 гг. Публицист полагал, что в случае их издания «свобода самоопределения в сфере религиозной мысли не найдет себе места в... новом государственном строе» и не будет отвечать новым «требованиям жизни»⁵⁰.

Между тем вектор правительственной политики в вероисповедном вопросе шел уже в ином направлении. Ввиду противоречий между фракциями Государственной думы, в бюрократическом корпусе и Государственном совете, позиция столыпинского

48. Законопроект «Об отмене содержащихся в действующем законодательстве ограничений, политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным исповеданиям» от 28 февраля 1907 г. // Законопроекты по делам православной церкви, внесенные на рассмотрение Государственной думы 3-го созыва в 3-ю сессию и доклады по ним Комиссии по делам православной церкви. СПб., 1910. Л. 279–280.

49. Отношение государства к отдельным вероисповеданиям по министерским законопроектам // Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 29.

50. Круг противоречий. С. 26.

кабинета по вероисповедным вопросам становилась более консервативной. Из министерских законопроектов после 1909 г. исчезли такие важные составляющие свободы совести, как право на свободу религиозного самоопределения, юридическое признание внеконфессионального состояния и гражданских браков, отмена ограничений в правах по вероисповедному признаку. Наиболее существенный из внесенных законопроектов, касавшийся перехода из одного исповедания в другое, был снят с рассмотрения в мае 1911 г. по настоянию фракции правых Государственного совета. Главным препятствием здесь вновь явился вопрос о признании перехода из христианства в нехристианские исповедания⁵¹.

Позиция Синода в оценке Мельгунова

Наиболее консервативный проект решения вероисповедного вопроса был предложен Святейшим Синодом. Его представители подвергли критике законодательные предложения МВД, в первую очередь по причине допущения в них прозелитизма — свободной пропаганды всех христианских вероисповеданий и возможности перехода из православия в иноверие, а также распространения иных существующих в России вероисповеданий и вероучений. Позиция Синода отличалась стремлением сохранить преимущества Российской православной церкви, основанные на ограничении прав неправославных исповеданий, что противоречило вектору эволюции отечественного религиозного законодательства в начале XX в. Однако она оказала влияние на Столыпина, отозвавшего в сентябре 1909 г. ряд законопроектов МВД из Государственной думы с целью большего учета интересов Православной церкви.

Синод восстал в первую очередь против допущения в империи свободы религиозной пропаганды. Он высказал свою позицию в декабре 1907 г., в ходе обсуждения законопроекта МВД «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям». Его предложения сводились к тому, чтобы, во-первых, сохранить возможности губернаторов и полиции оказывать содействие православному духовенству в охранении незыблемости веры, во-вторых, сохранить только за Российской церковью право свободного распространения своего учения; остальным вероисповеданиям

51. Сафонов А. А. Государство и конфессии в поздней имперской России: правовые аспекты взаимоотношений. С. 336.

и вероучениям дозволялось принимать в свои недра «лишь лиц, по собственному побуждению к ним приходящих». Представители ведомства православного исповедания считали также необходимым сохранить в силе карательные меры уголовного порядка за соращение христиан в нехристианскую веру⁵².

С позицией Синода, выражавшейся в несогласии с правительственной линией, направленной на расширение прав инославных и иноверных исповеданий в ущерб первенствующему положению Православной церкви, консолидировались монархически настроенные ученые и публицисты Л. А. Тихомиров, И. С. Бердников, И. Г. Айвазов и др. Закономерными следствиями реализации законопроектов МВД им виделось отступление от принципов христианского государства и отчуждение между церковью и государством⁵³.

Мельгунову позиция Синода представлялась архаичной. Он усматривал в ней попытку отменить основной пункт Указа 17 апреля, провозгласившего свободу выхода из православия, и возродить в полном объеме практику «старого порядка»⁵⁴. Мельгунов критиковал ее и за то, что отстаивалось сохранение преимуществ Российской православной церкви: монопольного права на распространение своего вероучения, на религиозную пропаганду, на уголовную защиту и др. Такая трактовка означала, по его мнению, сохранение административно-полицейской опеки над церковью и верующими⁵⁵.

Аргументация Мельгунова разделялась многими его современниками. Так, профессор уголовного права В. Д. Набоков оценил определение Синода по поводу свободы совести как безусловное движение вспять, возрождение «“духа” и “стиля” Победоносцева». К наиболее одиозным предложениям Синода Набоков причислил установление сорокадневного срока «увещания» для желающих оставить православную веру, а также запрет перехода в иные конфессии исповедующих православие солдат в период военной службы⁵⁶. Будучи председателем бюро русской группы Междуна-

52. Определения Святейшего Синода от 15–21 декабря 1907 г. // Церковные ведомости. 1908. № 1. С. 4.

53. Бердников И. С. Наши новые законы и законопроекты о свободе совести. М., 1914. С. 116–118; Тихомиров Л. А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003. С. 212–214.

54. Законопроекты о свободе совести в оценке Синода.

55. Там же.

56. Набоков В. Свобода совести и Св. Синод // Речь. 1908. № 8. 10 (23) января.

родного союза криминалистов, Набоков выражал подходы ведущих российских специалистов по уголовному праву.

Идентичный взгляд высказал тогда и «патриарх» российской судебной реформы А. Ф. Кони. Будучи членом Государственного совета, он сформулировал особое мнение группы меньшинства в 1911 г., когда Государственный совет участвовал в публичной полемике по религиозным вопросам. Задача законодателя виделась Кони в придании началам веротерпимости и свободы совести «окончательного правового характера». По его мнению, государству следовало провозгласить неотъемлемое право каждого человека на избрание веры⁵⁷. Нельзя не вспомнить, что у Кони, занимавшего в 1885–1891 гг. должность обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената, был богатый опыт рассмотрения дел о религиозных преступлениях. Он давал заключения по делам о лютеранских пасторах, униатах, штундистах и др. «Длинною вереницею проходят они в моих, иногда довольно тягостных воспоминаниях, — писал Кони, — в конце которых примирительно звучат возвышенные слова Высочайшего указа Сенату от 17-го апреля 1905 г. о веротерпимости»⁵⁸.

Свобода вероисповеданий или свобода совести: размышления о векторе вероисповедной реформы

Всякий раз, когда реформа происходит в период жизни одного поколения, у наблюдательных современников существует искушение определить вектор ее развития. Подобное стремление было и у С. П. Мельгунова. Он задавался вопросом о том, в каком направлении происходило движение. Двигалась ли Россия вперед, к заявленной в законодательных документах свободе совести, стояла ли на месте либо же пятилась назад?

Являясь сторонником отделения церкви от государства и предоставления всем вероисповеданиям в империи равных прав, Мельгунов полагал, что такого рода реформу могло последовательно осуществить только государство, отделенное от церкви. Лишь внеконфессиональное государство было способно, по его мнению, обеспечить гражданам религиозную свободу. И, напо-

57. Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 10. Д. 258. Л. 200–201, 203 об.

58. Кони А. Ф. На жизненном пути. Из записок судебного деятеля. Т. I. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина. М., 1913.

тив, государство, не обособленное от религии, с неизбежностью вмешивалось в область религиозной жизни⁵⁹.

Другой «властитель дум» образованного общества той поры правовед М.А. Рейснер высказывал близкую Мельгунову аргументацию о негативном воздействии на церковь ее зависимости от государства: «Законы веры этим самым подчиняются не только законам государства, но и усмотрению его административных органов, самое содержание закона религии оказывается подлежащим ведению светского начальства... что приводит к такому смещению религии и права, которое у духовно-нравственной нормы отнимает всякий нравственный авторитет»⁶⁰.

И Мельгунов, и Рейснер признавали Россию «полицейским государством», которое «милует одни исповедания и карает другие... создает из религиозных обществ покорную иерархию духовных властей... заведует их вероучением, культом и внутренней дисциплиной и не останавливается перед мерами насилия»⁶¹. В таком государстве церковь, по определению Мельгунова, становилась «одним из многочисленных департаментов сложного государственного механизма», впитавшим в себя «идеи старого режима»⁶².

Осуществление свободы совести связывалось с утверждением правового государства, признававшего за своими гражданами в качестве фундаментального и естественного их права право на свободу вероисповедания⁶³. По мысли Мельгунова, в правовом государстве «ни одна церковь не пользуется никакими привилегиями и особой поддержкой со стороны государственной власти». Такое государство равно охраняет религиозную свободу представителей всех без исключения вероисповедных групп, признавая и атеизм, «отделяет себя от вероисповедных интересов»⁶⁴.

Разворачивавшуюся в 1905–1906 гг. вероисповедную реформу Мельгунов признавал поначалу «великой реформой», призванной обеспечить каждому гражданину «всестороннюю и полную

59. Мельгунов С.П. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). М., 1907. Вып. 1. С. 26.

60. Рейснер М.А. Государство и верующая личность. СПб., 1905. С. 161, 163, 184–185.

61. Там же. С.422.

62. Мельгунов С.П. Церковь и государство в России в переходное время. М., 1909. С. 8.

63. Рейснер М.А. Государство и верующая личность. С. 413.

64. Мельгунов С.П. Церковь и государство в переходное время. М., 1909. С. 7.

свободу религиозного самоопределения»⁶⁵. Однако в публикациях, вышедших в канун Первой мировой войны, возможность утверждения в России в краткосрочной перспективе свободы совести представлялась ему уже не столь очевидной. Суждения религиоведа этого периода представляют существенный интерес, поскольку они подводят итог реформе конфессий.

В вышедшей в январе 1913 г. статье «Церковь и свобода совести» Мельгунов писал, что сам принцип свободы совести в России «отошел в область исключительно теоретических интересов». «Конкретные факты» церковно-государственных отношений в 1911–1912 гг. открывали, с его точки зрения, «такую не радужную перспективу, что оставалось лишь надеяться на то, что... не исчезнут хотя бы последние отблески когда-то “незыблемых основ” свободы совести». Третья Государственная Дума так и не выработала закона, регулировавшего вероисповедные отношения; сохранялось господство временных правил, разъясняемых «щедрыми министерскими циркулярами и по своей неопределенности и противоречивости открывающих широкий доступ произволу»⁶⁶. Мельгунов приходил к выводу о «возрождении вероисповедной политики старых лет с девизом религиозных притеснений» и винил в этом, прежде всего, Российскую православную церковь, под натиском «бюрократической» церковности которой гибли «последние ростки живительных сил»⁶⁷. Перспективы осуществления свободы совести Мельгунов связывал с принятием закона, устанавливавшего единые принципы взаимоотношений между государством и различными вероисповеданиями.

Проведенный анализ позиции С. П. Мельгунова в сопоставлении с подходами его современников позволяет прийти к выводу, что по мере развития политической культуры и правового сознания устои конфессионального государства, основывавшегося на системе веротерпимости, все менее устраивали российскую публику. Вместе с тем связь реформы государственно-вероисповедных отношений с задачами обновления политического строя России становилась все более очевидной и побуждала сомневаться в реальности перехода к широкой свободе вероисповеданий.

65. Вероисповедные вопросы в Думе // Мельгунов С. П. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). М., 1907. Вып. 2. С. 47–48.

66. Мельгунов С. П. Церковь и свобода совести // Русские ведомости. 1913. № 1. 1 января.

67. Там же.

Справедливо в этой связи суждение историка Пола Верта, что хотя Российское государство и сделало важные уступки религиозным устремлениям поданных, оно оставалось верховным арбитром в вопросе конфессионального статуса, глубоко вовлеченным в религиозные дела подданных⁶⁸. Иную грань проблемы очерчивает М.Д. Долбилов, замечая, что на смену либерализации законодательства о конфессиях в 1905 г. и сокращения возможностей бюрократического контроля над религиозной жизнью неправославных приходила тенденция к «подмораживанию» традиционных институтов различных конфессий⁶⁹.

Заключение

Анализ воззрений С. П. Мельгунова, а также ряда его современников свидетельствует, что в начале XX в. в российской публичной среде сложилось представление о необходимости кардинального пересмотра системы конфессионального управления. Первым шагом на этом пути признавался Указ о веротерпимости 1905 г., вводивший новое понимание веротерпимости как религиозной свободы и свободы выхода из православия. Следом за этим в общественном мнении все прочнее утверждалось представление о необходимости установления свободы совести, понимаемой как ликвидация ограничений в вопросах веры.

Вероисповедная реформа начала прошлого века была нацелена на утверждение в Российской империи конфессионального разнообразия. Данная задача представлялась Мельгунову достижимой. Наряду с указом 1905 г., предвестниками нового религиозного «дизайна» ему виделись отдельные идеи правительственных и думских законопроектов о конфессиях межреволюционного времени, вводившие внеконфессиональное состояние, гражданские браки и др. Между тем Мельгунов полагал, что для установления религиозной свободы правительственная власть должна более четко обозначить путь решения конфессионального вопроса и перестроить конфессиональную политику в направлении признания равенства вероисповеданий и отказа от первенства Российской православной церкви. Свобода совести не будет

68. *Верт П.* Православие, инославие, иновение: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. С. 45.

69. *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика Российской империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 755–756.

возможной в России до тех пор, пока, по выражению Мельгунова, «государственный корабль не возьмет твердого конституционного курса»⁷⁰.

Реформирование системы управления конфессиями ставилось в контекст проводимой в позднеимперской России конституционной реформы. Правовое государство, в отличие от самодержавия, признавалось способным предоставить подданным свободу религиозного самоопределения и установить равный статус различных вер. Ситуация, когда церковь была подчинена государству, а положение вероисповеданий зависело от вектора государственной политики, сдерживала, по мнению Мельгунова, конфессиональную реформу. Разработанный Мельгуновым в начале прошлого века подход к реформированию конфессионального управления представлял собой весьма цельный и реалистичный взгляд интеллектуала-специалиста на перспективы осуществления свободы совести в условиях имперского государства.

Библиография / References

Архивные материалы

Отдел рукописей РГБ

Ф. 454 — Мельгунов С. П.

Российский государственный исторический архив

Ф. 821 — Департамент духовных дел иностранных исповеданий

Литература

Бендин А. Феномен российской веротерпимости // Российская история. 2013. № 5. С. 143–149.

Бердников И. С. Наши новые законы и законопроекты о свободе совести. М.: Печ. А. И. Снегиревой, 1914. 247 с.

Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 278 с.

Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. 439 с.

Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика Российской империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

Емельянов Ю. Н. С. Н. Мельгунов: в России и эмиграции: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1998. 47 с.

Законопроект «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям» от 20 февраля 1907 г. // Законопроекты по делам православной церкви, внесенные

70. Мельгунов С. Свобода совести // Русские ведомости. 1909. № 1. 1 января.

- на рассмотрение Государственной думы 3-го созыва в 3-ю сессию и доклады по ним Комиссии по делам православной церкви. СПб., 1910. Л. 21–27.
- Законопроект «Об отмене содержащихся в действующем законодательстве ограничений, политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным исповеданиям, а в том числе и к старообрядчеству и к отделившимся от православия сектам, а равно законоположений, допускающих вмешательство гражданской власти в духовные отношения частных лиц» от 28 февраля 1907 г. // Законопроекты по делам православной церкви, внесенные на рассмотрение Государственной думы 3-го созыва в 3-ю сессию и доклады по ним Комиссии по делам православной церкви. СПб., 1910. Л. 279–280.
- Законопроекты о свободе совести в оценке Синода // Русские ведомости. 1908. № 9. 11 января.
- Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / Под общ. ред. С. М. Половинкина. М.: Республика, 2005. 543 с.
- Кони А. Ф. На жизненном пути: Из записок судебного деятеля. Т. I. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1913. 750 с.
- Мельгунов С. Свобода совести // Церковь и государство в России: к вопросу о свободе совести: сб. ст. Вып. 1. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1907. С. 25–29.
- Мельгунов С. Круг противоречий // Церковь и государство в России: к вопросу о свободе совести: сб. ст. Вып. 2. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1909. С. 23–26.
- Мельгунов С. Официальная веротерпимость // Русские ведомости. 1905. № 103. 16 апреля.
- Мельгунов С. Свобода совести // Русские ведомости. 1909. № 1. 1 января.
- Мельгунов С. Церковь и свобода совести // Русские ведомости. 1913. № 1. 1 января.
- Мельгунов С. Автобиография // Русские ведомости: 1863–1913. М.: Типография Русских ведомостей, 1913. С. 114–115.
- Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. М.: Индрик, 2003. 527 с.
- Набоков В. Свобода совести и Св. Синод // Речь. 1908. № 8. 10 (23) января.
- Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта Нового Уложения. 1767. 27 апреля. М., 2015. 64 с.
- Определения Святейшего Синода от 15–21 декабря 1907 г. // Церковные ведомости. 1908. № 1. С. 3–9.
- Пинкевич В. К., Золотых С. В. Вероисповедные реформы П. А. Столыпина в контексте преобразований в Российской империи начала XX века // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 1. С. 20–25.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1908. Т. 23, 25.
- Рейснер М. А. Государство и верующая личность. СПб: тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 423 с.
- Розенберг В. Из истории русской печати: организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости» (1863–1918 гг.). Прага: Изд-во «Пламя», 1924. 263 с.
- Речь. 1908. 16 мая.
- Русские ведомости. 1905. № 105. 20 апреля.
- Русские ведомости. 1906. № 1.
- Сафонов А. А. Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. М.: Проспект, 2017. 348 с.

- Тихомиров Л. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М.: изд-во журн. «Москва», 2003. 618 с.
- Фирсов С. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб: Сатис Держава, 2007. 460 с.
- Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи / Под ред. П. Рогозного. СПб, 2019. 352 с.

Archival materials

- Otdel rukopisei RGB [Department of Manuscripts of the RSL]
F. 454 — Mel'gunov S. P. [Melgunov S. P.]
Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]
F. 821 — Departament duchovnykh del inostrannykh ispovedanii [Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions]

Literature

- Bendin, A. (2013) “Fenomen rossiiskoi veroterpimosti” [The Phenomenon of Russian Religious Tolerance], in *Rossiiskaia istoriia* 5: 143–149.
- Berdnikov, I. S. (1914) *Nashi novye zakony i zakonoproekty o svobode sovesti* [Our New Laws and Bills on Freedom of Conscience]. M.: Pech. A. I. Snegirevoi.
- Vishlenkova, E. A. (2002) *Zabotyas' o dushah poddannykh: religioznaya politika v Rossii pervoi chetverti XIX veka* [Taking care of the souls of subjects: Religious Policy in Russia in the First Quarter of the XIX century]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. 439 s.
- Dolbilov M. D. (2010) *Russkii krai, chuzhaia vera: etnokonfessional'naia politika Rossiiskoi imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian land, foreign faith: ethno-confessional policy of the Russian Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Emel'ianov, Iu. (1998) *S. N. Mel'gunov: v Rossii i emigratsii* [S. N. Melgunov: in Russia and Emigration]. Moscow: Editorial URSS Publ.
- Firsov, S. (2007) *Tserkov' v Imperii. Ocherki iz tserkovnoi istorii epokhi Imperatora Nikolaia II* [The Church in the Empire. Essays From the Church History of the Era of Emperor Nicholas II]. SPb: Satis Derzhava.
- Friz, G. (2019) “Gubitel'noe blagochestie”: *Rossiiskaia tserkov' i padenie imperii* [“Ruinous piety”: The Russian Church and the Fall of the Empire]. SPb.
- Friz, G. (2017) “Religioznaia politika Rossiiskoi imperii v Pribaltike” [Religious policy of the Russian empire in the Baltics], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorii* 62 (4): 777–806.
- Zakonoproekt (1910) “Ob otnoshenii gosudarstva k otdel'nym veroispovedaniyam” ot 20 fevralya 1907 g. [The bill “On the Attitude of the State to Individual Religions” dated February 20, 1907], in *Zakonoproekty po delam pravoslavnoi tserkvi, vneshennye na rassmotrenie Gosudarstvennoi dumy 3-go sozyva v 3-yu sessiiu i doklady po nim Komissii po delam pravoslavnoi tserkvi*. SPb. L. 21–27.
- Zakonoproekt (1910) “Ob otmene soderzhashchihsia v dejstvuiushchem zakonodatel'stve ogranichenii, politicheskikh i grazhdanskikh, nahodiashchihsia v zavisimosti ot prinadlezhnosti k inoslav'nym i inovernym ispovedaniyam, a v tom chisle i k staroobriadchestvu i k otdelivshimsia ot pravoslaviia sektam, a ravno zakonopolozhenii, dopuskaiushchikh vmeshatel'stvo grazhdanskoj vlasti v

- dukhovnye otnosheniia chastnyh lits" ot 28 fevralia 1907 g. [The draft law "On the abolition of the restrictions contained in the current legislation, political and civil, depending on belonging to heterodox and heterodox confessions, including the Old Believers and sects that separated from Orthodoxy, as well as legal provisions that allow civil authorities to interfere in Spiritual Relations of Individuals" dated February 28, 1907] (1910), in *Zakonoproekty po delam pravoslavnoi tserkvi, vnesennye na rassmotrenie Gosudarstvennoi dумы 3-go sozyva v 3-yu sessii i doklady po nim Komissii po delam pravoslavnoi tserkvi*. SPb., 1. 279–280.
- Koni, A. (1913) *Na zhiznennom puti: Iz zapisok sudebnogo deiatelia. T. I* [On the path of Life: From the Notes of a Judicial Figure. Vol. I]. M.: Tipografia T-va I. D. Sytina.
- Mel'gunov, S. (1905) "Ofitsial'naia veroterpimost'" [Official Religious Tolerance], in *Russkie vedomosti* 103.
- Mel'gunov, S. (1907) "Svoboda sovesti" [Freedom of Conscience], in *Mel'gunov, S. Tserkov' i gosudarstvo v Rossii: k voprosu o svobode sovesti: sbornik statei*, vol. 1, pp. 25–29. M.: T-vo I. D. Sytina.
- Mel'gunov, S. (1907) *Staroobriadtsy i svoboda sovesti: istoricheskii ocherk* [Old Believers and Freedom of Conscience: a Historical Essay]. M.: Tip. G. Lissnera i D. Sobko.
- Mel'gunov, S. (1909) "Krug protivorechii" [Circle of Contradictions], in *Mel'gunov, S. Tserkov' i gosudarstvo v Rossii: k voprosu o svobode sovesti: sbornik statei*, vol. 2, pp. 23–26. M.: T-vo I. D. Sytina.
- Mel'gunov, S. (1909) "Svoboda sovesti" [Freedom of Conscience], in *Russkie vedomosti* 1.
- Mel'gunov, S. (1913) "Tserkov' i svoboda sovesti" [The Church and Freedom of Conscience], in *Russkie vedomosti* 1.
- Mel'gunov, S. (1913) "Avtobiografiia" [Autobiography], in *Russkie vedomosti: 1863–1913*, pp. 114–115. M.: Tipografiia Russkikh vedomostei.
- Mel'gunov, S. (2003) *Vospominaniia i dnevniki* [Memories and Diaries]. M.: Indrik.
- Nabokov, V. (1908) "Svoboda sovesti i Svyatejskii Sinod" [Freedom of Conscience and the Holy Synod], in *Rech'* 8.
- Nakaz Ekateriny II Komissii o sostavlenii proekta Novogo Ulozheniya. 1767. 27 aprelya* [Order of Catherine II to the Commission on the drafting of the New Code. April 27, 1767]. M., 2015. 64 s.
- "Opredeleniia Sviateishego Sinoda ot 15–21 dekabria 1907 g." [Definitions of the Holy Synod of December 15–21, 1907] (1908), in *Tserkovnye vedomosti* 1: 3–9.
- Panin, A. (ed.) (1995) *Zapiski Mikhaila Vasil'evicha Sabashnikova* [Notes by Mikhail Vasilyevich Sabashnikov]. M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
- Pinkevich, V. K., Zolotykh, S. V. (2019) "Veroispovednye reformy P. A. Stolypina v kontekste preobrazovaniia v Rossiiskoi imperii nachala XX veka" [Religious reforms P. A. Stolypin in the context of transformations in the Russian Empire at the beginning of the 20th century], in *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii* 1; 20–25.
- Polovinkin, S. (ed.) (2005) *Zapiski peterburgskikh Religiozno-filosofskikh sobranii (1901–1903 gg.)* [Notes of the St. Petersburg Religious and Philosophical Meetings (1901–1903)]. M.: Respublika.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 3-e (dalee — PSZ-III). SPb., 1908. T. 23, 25.
- Rech'* [Speech] (1908). 16 maia.
- Reisner, M. (1905) *Gosudarstvo i veruiushchaia lichnost'* [The State and the Believing Person]. SPb: tip. t-va "Obshchestvennaia pol'za".

- Rozenberg, V. (1924) *Iz istorii russkoi pečati: organizatsiia obshchestvennogo mneniia v Rossii i nezavisimaia bespartiinaia gazeta "Russkie vedomosti" (1863–1918 gg.)* [From Russian Press History: the Organization of Public Opinion in Russia and the Independent Nonpartisan Newspaper "Russkie Vedomosti" (1863–1918)]. Praga: Izd-vo "Plamia".
- Safonov, A. (2017) *Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoi Rossii: pravovye aspekty vzaimootnoshenii* [The State and Confessions in Late Imperial Russia: Legal Aspects of Relations]. M.: Prospekt.
- Tikhomirov, L. (2003) *Tserkovnyi sobor, edinolichnaia vlast' i rabochii vopros* [The Church Council, the Sole Authority and the Working Question.]. M.: izd-vo zhurn. "Moskva".
- Vert, P. (2012) *Pravoslavie, inoslavie, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziia Rossiiskoi imperii* [Orthodoxy, Unorthodoxy, Heterodoxy: Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Waldron, P. (1989) "Religious Toleration in Late Imperial Russia", in O. Crisp, L. Edmondson (eds) *Civil Rights in Imperial Russia*, pp. 103–120. Oxford: Clarendon press.
- Russkie vedomosti [Russian Vedomosti] (1905). 105. 20 aprelia.
- Russkie vedomosti [Russian Vedomosti] (1906). 1.
- "Zakonoproekty o svobode sovesti v otsenke Sinoda" [Draft Laws on Freedom of Conscience in the Assessment of the Synod] (1908), in *Russkie vedomosti* 9.